

DOI: 10.12731/2218-7405-2013-2-11

УДК 352:323

ПОЛИТИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПОНЕНТА ПРОБЛЕМЫ ДЕПРЕССИВНЫХ МОНОГОРОДОВ РОССИИ

Величко А.Н.

Целью статьи является выявление и анализ проблем развития моногородов в Российской Федерации в условиях современного политического процесса. В исследовании делается акцент на политико-антропологической компоненте.

При проведении исследования применялась общенаучная методология, а также компаративистский, исторический и социологический подходы.

В результате проведенного политологического анализа выявлены основные проблемы моногородов, среди которых отмечается низкая социальная активность и защищенность населения, что связано с депрессивным социально-экономическим и политическим состоянием территорий, вызванных как сменой экономического и политического курса российского государства в конце 20 века, так и кризисными явлениями в российской экономике. Поднимается вопрос об ответственности элиты за нарушение прав граждан и закрытость каналов рекрутирования, в результате чего жители моногородов не в полной мере могут самореализоваться.

Результаты исследования могут применяться в системе государственного и муниципального управления при разработке программ развития территорий, в деятельности партий и общественных организаций, а также в научной и учебной работе.

Ключевые слова: политический процесс, монотерритории, местное сообщество, местное самоуправление, политическая власть.

POLITICAL AND ANTHROPOLOGICAL COMPONENT OF THE PROBLEM OF DEPRESSIVE MONOCITIES IN RUSSIA

Velichko A.N.

The aim of the given article is the revealing and analysis of monocities in the Russian Federation under circumstances of the modern political process. Author stresses the political and anthropological component. In this research we used general scientific methodology as well as comparative, historical and sociological approaches.

As a result of the given politological analysis we revealed the main problems of monocities among which we should note the low social activity and the low security of communities. That is due to depressive socio-economic and political status of researched territories. This is caused by the change of political and economic directions at the end of 20th century as well as the crisis of Russian economy. We raise the issue of elite responsibility for the violation of citizens' rights and secrecy of recruiting channels. As a result the monocitiy citizens cannot fully self-fulfill.

The findings can be applied in the system of public and municipal administration in working out the programs on territorial development, in the activity of parties and non-government organizations and in scientific and training activities.

Keywords: political process, monoterritories, local community, local government, political power.

В России около четверти населения проживает в моногородах, в значительной степени зависящих от функционирования градообразующих предприятий. Ситуация в процессе обновления парадигмы функционирования депрессивных моногородов достаточно сложная. Общий фактический тренд – образование на территории страны многочисленных социальных гетто.

Процессы социальной, политической и экономической маргинализации местного населения чреваты повышением социальной и политической нестабильности, роста криминализации территорий и создания устойчивых кластеров противостояния политике модернизации. Такое положение является логическим следствием отсутствия научно обоснованных приоритетов экономической и социальной политики российской элиты.

Ни власть, ни оппозиция не могут предложить обществу реалистические модели выхода из кризисной ситуации, а существующие подходы к социальной устойчивости территорий не были основаны на теории. Более того невключенность тематики моногородов в текущую политическую повестку дня означает не только пролонгирование кризисных тенденций, но и появление новых рисков и угроз развитию как субъектов федерации, так и страны в целом.

Де-факто исключение жителей моногородов из политического процесса от которого зависит развитие территорий - одна из самых важных проблем для каждого индивида и для страны в целом. Широко распространенный на депрессивных территориях скептицизм о гражданском достоинстве и возможности самореализации, недостаток ясности относительно роли индивидуума относительно участия в делах общества, недостаток согласия со стороны обычных граждан о путях и даже о потенциальной возможности выхода из кризиса находит прямое отражение в политических процессах. Хотя страны и города по всему миру сталкиваются с аналогичными проблемами, однако вопрос применимости зарубежного опыта в местных условиях достаточно спорен в силу особенностей истории, социальной и политической культуры, правовой структуры, стратегии политических и правительственных акторов по выходу из кризиса, динамики перераспределения власти между заинтересованными сторонами и много иного.

Тем не менее, процессы регенерации зависят в большой степени от частных инвестиций и интересов. В указанном отношении модели выхода из кризисов европейских городов задают важные нормативные рамки для городского планирования и политического развития территорий современной

России. Через поддержку социально ориентированных гражданских движений за возрождение родного города, к широкому участию структур гражданского общества появляется возможность задействования латентных ресурсных возможностей. Социальная справедливость не может возникнуть сама по себе, для решения этой проблемы должна быть привлечена достаточно работоспособная и широкая группа представителей элиты, а также структур гражданского общества.

Активное привлечение общественных организаций и их потенциальных волонтеров возможно только после научного осмысления ментальности территориального социума, его предустановок к различным сценариям выхода территории из кризиса, архетипам и инерциям, ценностям и принципам, мировоззрению и идеологиям, морали и базовым жизненным стратегиям. Только в таком случае, по мнению автора настоящей статьи, реально измерение направленности и эффективности принимаемых индивидами решений ориентированных на коллективное политическое и социальное действие.

Без коллективного самосознания ответственности за город и судьбу своих детей стратегии выхода из кризиса так и останутся на бумаге. Необходимо вести речь о социальном партнерстве, стороны которого будут договариваться по всем актуальным для развития территории вопросам.

Французский политолог Жак Сапир констатирует: «Если вы поддерживаете настоящую, а не формальную демократию, более равномерное распределение богатств и ресурсов, более справедливый доступ к образованию и здравоохранению посредством широкого предоставления этих общественных благ, если вы выступаете за усиление контроля за экономической деятельностью, которая способна нанести вред окружающей среде, за улучшение защиты от «природных» рисков, вызванных человеком, тогда да – вы на стороне прогресса» [11]. Применительно к рассматриваемой нами проблематике, речь идет о недопущении оппортунистического социального поведения жителей моногородов, когда в силу депрессивности территорий люди соглашаются на размещение любых вредных для экологии производств.

Наряду с оппортунистическим поведением граждан имеют место и проявления аналогичного поведения депутатов представительной власти.

Для изменения направленности государственной политики в отношении депрессивных моногородов должны быть поняты причины снизившейся конкурентоспособности муниципальных образований и экономики в целом и приняты меры, позволяющие противодействовать этим тенденциям. Соответственно, концепцию управления функционированием города необходимо рассматривать в политическом контексте, чтобы обозначить характер и качество отношений между участниками и учреждениями и с прямой и косвенной роли в процессе принятия решений и расширяет включить эти интересы с течением времени и в разных пространственных масштабах в рамках единого политического поля. Этот дискурс ориентирован для достижения «более демократичного, прозрачного и легитимного способ управления, что ... способствует достижению общих целей и ответственных решений» [14, с. 69]. В рамках упомянутой концептуализации муниципального управления, принятие общественно значимых решений должно стать результатом консенсуса множество заинтересованных сторон в децентрализованных институциональных структурах, что позволит снизить в общественном мнении неизбежные издержки при реализации непопулярных решений.

Как нами было доказано выше, какого-либо другого субъекта, заинтересованного в эффективности решений власти как жители и их легитимированные в процессе общественных обсуждений представители, способные контролировать эффективность использования крайне ограниченных бюджетных средств просто нет. Тем самым в политическом поле муниципальных образований может быть сформировано равновесие, необходимое для реализации консолидированной линии местного сообщества на выход из кризиса.

Именно это свойство (восстановление равновесия, самоорганизация) является со времен Т. Парсонса наиболее важной чертой социальной системы,

поскольку «тенденция процесса взаимодействия к самосохранению есть первый закон социальных процессов» [9, с. 307]. Как известно, представление о городе и культуре как об устойчивых образованиях, порожденных и поддерживаемых реализацией совокупности функций, необходимых для совместной жизнедеятельности людей, привело к формированию концепций социальной и культурной систем. При этом сторонники концепции культурной системы (Л. Уайт, К. Клакхон, А. Кребер и другие) рассматривали общество как структурный компонент совместной жизни людей, а культуру – как содержательное наполнение этой структуры [8, с. 29]. Это объясняет существование устойчивых социокультурных образований по сравнению с предыдущими функционалистскими построениями, где «культурные и социальные феномены рассматривались как самодовлеющая реальность, а группа людей определялась не через дифференциацию функций или ролей, но через интегрирующие ее нормы или институты» [2, с. 17]. Упомянутый выше исследовательский дискурс представлен именами таких зарубежных и отечественных ученых, как М. Вебер, Л. Уайт, Ж. Бодрийяр, Ф. Бродель, А. Леруа-Гуран, Дж. Мэрдок, Х. Ортега-и-Гассет, Л. Велихов, Н. Анциферов, К. Бюхер, Л. Коган, А. Левинтов, В. Никитин, А. Быстрицкий, А. Высоковский, В. Глазычев, О. Генисаретский.

Достаточно показательным, что британский ученый известный Э. Гидденс выделяет три магистральные оси посттрадиционных трансформаций идентичностей в глобальном мире, определяющие структурные изменения современности (modernity) – глобализацию, детрадиционализацию и рефлексивизацию. По мнению Гидденса, глобализацию не следует понимать только в экономических терминах: «Я определяю глобализацию как действие на расстоянии и соотношу её интенсификацию за последние несколько лет с появлением средств мгновенной глобальной коммуникации и массового перемещения»; связанная с ней «детрадиционализация» вследствие исчезновения пространства как буферной зоны, отделяющей различные социокультурные локальности друг от друга, приводит к исчезновению

возможности прямолинейного, «наивного» традиционализма, не задающего вопросом о легитимации собственных положений [7, с. 129].

Обращение к человеку как главной цели общественного развития и экономического прогресса лежит в основе всех социально-экономических процессов. Это предопределяет место теории социального инвестирования в экономической науке. Её развитие особенно важно для российского общества, которое сегодня стоит перед объективной необходимостью построения социально ориентированной рыночной экономики и перехода от постиндустриального к информационному общественному производству. Социальные инвестиции в человеческий ресурс выступают ключевым условием экономического роста и повышения конкурентоспособности на всех уровнях хозяйствования.

Особенную остроту приобрела проблема формирования человеческого потенциала в период реструктуризации угольной отрасли в России. Шахтерские города оказались вовлеченными в сложный и противоречивый процесс реформирования угольной промышленности, приведшего к депрессивному характеру развития угледобывающих регионов и резкому снижению уровня и качества жизни населения. Среди современных проблем развития шахтерских моногородов на первое место выходят структурная асимметричность их экономики, кризисное состояние экономической базы, безработица, ухудшение состояния социальной инфраструктуры.

Преодоление кризисных явлений и повышение эффективности экономики возможно посредством вложений в человеческий капитал в форме социальных инвестиций всех заинтересованных в его развитии сторон [5, с. 87-92]. Особенность социального инвестирования углепромышленных территорий в условиях монопрофильного города и депрессивности развития заключается в усилении вложений государства в человеческий капитал, что способствует предотвращению разрушения социальной сферы углепромышленных моногородов и сохранению доступности социальных услуг. Невозможность долгосрочной государственной поддержки углепромышленных территорий

приводит к необходимости активизации других источников социального инвестирования, таких как социальные инвестиции бизнеса и другие внебюджетные источники [10].

Концепция социального инвестирования основывается на теории человеческого капитала как доминантного фактора общественного прогресса. Уровень развития общества определяется господствующими типами хозяйства и установившейся иерархией ценностей и интересов, характеристиками населения, т.е. так называемым человеческим капиталом. Инвестирование в его развитие, как правило, приводит к повышению производительности труда, росту эффективности производства. Современному этапу мирового научно-технического и социально-экономического развития присуще коренное изменение роли и значения человеческого фактора в экономике и обществе. Человеческий капитал становится важнейшим фактором экономического роста [12]. И заинтересованность в росте этой формы ресурсного обеспечения выхода депрессивной территории из кризиса должны проявлять не только граждане, но и представители правящей элиты.

Сохраняющийся же на протяжении десятилетий акцент в деятельности региональных органов государственной власти на удовлетворении минимальных материальных потребностей социально нуждающихся категорий семей, игнорирование необходимости разработки активных дифференцированных форм государственной поддержки семьи, мобилизующих ее внутренний потенциал и учитывающих ее ценностные и смысловые потребности, приводит к деструкции самооценности семьи как социального института, формированию социальной пассивности семьи и превращению ее в объект социальной помощи. Что свидетельствует о недооценке в современной государственной региональной практике роли семьи в обеспечении устойчивого развития и безопасности региона.

В ситуации глобальной экономической нестабильности последних лет, негативно отразившейся на положении большинства российских регионов, возникает реальная опасность в процессе реализации государством мер,

направленных на поддержание экономики, игнорировать интересы и потребности семей и тем самым актуализировать те социальные проблемы, с которыми столкнулись регионы в период социально-экономических реформ 90-х годов [1]. Результатом стало снижение социального капитала большинства российских территорий.

В последние годы отечественными политологами на основе современных подходов новой институциональной теории переосмысливается институт гражданского участия как целостный феномен обеспечивающий включение граждан в политико-управленческий процесс. Так, в работе Какабадзе Ш.Ш., Зайцева Д.Г., Звягина Н.А., Карастелева В.Е. дается характеристика и анализ эволюции и текущего состояния института гражданского участия в России. На основе проведенного исследования показано, что реальных общественных объединений немного, а гражданских объединений – меньшинство. Тем не менее, гражданские объединения в силу того, что обладают качествами «компетентного» политического актора, самостоятельного субъекта политики, с развитыми «социальными навыками» могут и в реальности формируют новый, не имитационный, а реальный институт гражданского участия, ориентированного на потребности граждан влиять на процесс принятия политических решений [4, с. 88-108]. Для осуществления такого влияния граждане должны иметь не только прописанные в уставе муниципального образования соответствующие механизмы, но и мотивацию, к примеру, связанную с вертикальными социальными лифтами.

Известный отечественный писатель З. Прилепин замечает: «Социальные лифты по-прежнему поднимают минимальный процент граждан России и оставляют минимум две трети граждан за пределами этого лифта. Например, 99 % жителей деревень и деградировавших моногородов. Ну и потом, при сохранении такого порядка вещей большинство граждан просто не хотят плодиться. «Лишний» ребенок в разы уменьшает шанс поместиться в этот самый социальный лифт. Количество мест ограничено, перегруз может возникнуть» [13]. Очевидно, что поскольку элитой социальный договор

нарушен, граждане имеют моральное право на социальные и политические процессы, однако правом этим до настоящего времени практически не пользуются.

На наших глазах постельцинская эпоха медленно, но верно подходит к концу и рано или поздно она все-таки закончится. В сознании населения действующая власть неуклонно слабеет и с осознанием этого факта для жителей депрессивных территорий приходит понимание, что если за прошедшие десятилетия их проблемы не были решены, то при действующей власти соответствующее решение не будет найдено. Так приближается момент коллективного прозрения и население заставит привлечь к ответственности действующую власть.

Когда выясняется, что надо выживать не только самому, но и обеспечивать лучшее будущее для своих детей, возникает активная потребность в солидарности. Сначала она всегда реализуется там, где легко достигнуть доверия. Если мы вспомним историю профсоюзов, они всегда возникают как неполитические органы, а потом довольно быстро приобретают политическое значение. И это совершенно нормально. Точно так сегодня какие-нибудь «синие ведерки» быстро приобретают политическое значение.

Поскольку полностью делегитимированы все элиты, так называемая политическая оппозиция находится ровно в том же положении, что и власть: она числится по тому же ведомству «государства», которое вместе с элитой находится в другом пространстве, то есть территориально-то совпадает, а социально находится в разных пространствах. И это одна из очень острых проблем, как это было на рубеже 1990-х годов, когда так называемая оппозиция оказалась абсолютно ни к чему не пригодна, потому что она или не имела социальной поддержки, или, если ее имела, то не имела соответствующих социальных и профессиональных навыков. Ни государство, ни люди не имеют таких навыков, оппозиция также ими не обладает [6]. Тем не менее, именно в таких условиях возможен рост социальной сплоченности, что продемонстрировали революции на Ближнем Востоке начала 2011 года.

Глобальные события и увеличения взаимосвязанность отдельных лиц и групп по всему миру и на местах обеспечивают новые вызовы и испытания для социальной сплоченности. Ведя речь о социальной сплоченности, автор под этим термином применительно к тематике настоящего исследования понимает социальные связи (в том числе в рамках семьи, а также отдельных групп местного сообщества). Социальная сплоченность возникает и воспроизводится на основе взаимоотношений между жителями города. Он проявляется в виде чувства общности или говоря иными словами, территориальной идентичности. Социальная сплоченность связана с экономическим развитием и особенностями функционирования политической системы. Социальная сплоченность может быть не только экзистенциальной основой участия в протестных акциях, но и может повысить инвестиционную привлекательность и конкурентоспособность бизнеса развивающегося на депрессивных территориях.

За рубежом во многих городах концепция обеспечения социальной сплоченности, пройдя этап общественного обсуждения, становится одним из важнейших документов стратегии развития территорий. Представляется, что указанный опыт применим и к России.

Стратегические цели достижения социальной сплоченности должны были быть достигнуты за счет создания и укрепления социальных сетей и норм взаимности и доверия не только внутри групп местного сообщества, но и между населением и муниципальной властью. Такой подход к устойчивому развитию подразумевает политические практики консультаций и совместного участия власти и населения в выработке стратегии и тактики выхода территории из кризисного состояния.

Список литературы

1. Антропова Ю.Ю. Проектное управление как инструмент развития системы социального обслуживания населения в современных условиях // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №1.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности. М., 1986.

3. Бюхер К. Большие города в их прошлом и настоящем. СПб., 1923.
4. Какабадзе Ш.Ш., Зайцев Д.Г., Звягина Н.А., Карастелев В.Е. Институт гражданского участия: проверка деятельностью субъектов // Полис. 2011. № 3.
5. Карпенко Т.В., Михалкина Е.В. Социальная напряженность в депрессивных территориях Ростовской области: подходы к анализу и измерение // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2006. № 3.
6. Кузьмин А. Задача – воссоздать государство // Русский журнал. 2011. 7 апр.
7. Новицкий В. Anthony Giddens. Beyond Left and Right // Топос. 2 (16). 2007.
8. Орлова Э. Культурная (социальная) антропология. М., 2004.
9. Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
10. Принципы социализации рыночной экономики / Под ред. Е.В. Михалкиной. Ростов н/Д: Изд-во «Содействие–XXI век», 2007.
11. Сапир Ж. Коррупция элит вскормила популизм // Русский журнал. 2011. 24 май.
12. Солдатова И.Ю., Карпенко Т.В. Социальное инвестирование депрессивных территорий. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2007.
13. Юзефович Г. Мертвые души // Итоги. 2011. № 22 (781).
14. Dredge D., Pforr C. Tourism Policy Networks and Tourism Governance. / In: Scott N., Baggio R., Cooper C. (eds.). Network Analysis and Tourism. Clevedon: Channel View Publications. 2008.

References

1. Antropova Yu.Yu. Proektnoe upravlenie kak instrument razvitiya sistemy sotsial'nogo obsluzhivaniya naseleniya v sovremennykh usloviyakh [Project management as a tool of development of system of social service of the population in modern conditions]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1 (2009).

2. Brodel F. *Struktury povsednevnosti* [The structure of everyday life]. M., 1986.
3. Byukher K. *Bol'shie goroda v ikh proshlom i nastoyashchem* [The big cities in their past and present]. SPb., 1923.
4. Kakabadze Sh.Sh., Zaytsev D.G., Zvyagina N.A., Karastelev V.E. Institut grazhdanskogo uchastiya: proverka deyatelnostyu subektov [The Institute of civic participation: check the activities of the subjects]. *Polis*, no. 3 (2011).
5. Karpenko T.V., Mikhalkina E.V. Sotsial'naya napryazhennost' v depressivnykh territoriyakh Rostovskoy oblasti: podkhody k analizu i izmerenie [Social tension in depressed areas of the Rostov region: approaches to the analysis and measurement]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Severo-Kavkazskiy region. Obshchestvennye nauki*, no. 3 (2006).
6. Kuzmin A. Zadacha – vossozdat gosudarstvo [The task is to recreate the state]. *Russkiy zhurnal*, (April 7, 2011).
7. Novitskiy V. Anthony Giddens. Beyond Left and Right. *Topos*, no. 2 (2007).
8. Orlova E. *Kulturnaya (sotsialnaya) antropologiya* [Cultural (social) anthropology]. M., 2004.
9. Parsons T. *O sotsial'nykh sistemakh* [On social networks]. M., 2002.
10. *Printsipy sotsializatsii rynochnoy ekonomiki* [Principles of socialization of the market economy]/ Pod red. E.V. Mikhalkinoy. Rostov n/D: Izd-vo «Sodeystvie–XXI vek», 2007.
11. Sapir Zh. Korruptsiya elit vskormila populism [Corruption of elites nurse populism]. *Russkiy zhurnal*, (May 24, 2011).
12. Soldatova I.Yu., Karpenko T.V. *Sotsial'noe investirovanie depressivnykh territoriy* [Social investment depressive territories]. Rostov n/D: Izd-vo Rost. un-ta, 2007.
13. Yuzefovich G. Mertvye dushi [Dead souls]. *Itogi*, no. 22 (2011).

14. Dredge D., Pfoff C. Tourism Policy Networks and Tourism Governance. / In: Scott N., Baggio R., Cooper C. (eds.). Network Analysis and Tourism. Clevedon: Channel View Publications. 2008.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Величко Артем Николаевич, аспирант

*Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ул. Пушкинская, д. 70, г. Ростов-на-Дону, 344002, Россия
e-mail: velichko@vepoz.ru*

DATA ABOUT THE AUTHOR

Velichko Artem Nikolaevich, post-graduate

*South-Russian Institute of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation
70, Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, 344002, Russia
e-mail: velichko@vepoz.ru*

Рецензент:

Старостин Александр Михайлович, заместитель директора Южно-Российского института-филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, доктор политических наук, профессор